

С 20 ноября по 12 декабря 2004 года в Музеи Архитектуры им. Щусева (Москва) можно было увидеть инсталляцию «Топология мгновения», созданную французскими хореографами и видеорежиссерами Николь и Норбером Корсино. В Европе они известны как N+N Corsino.

Тела и пространства

Что может быть загадочнее человеческого тела — своего или чужого, — когда оно приобщается к науке движения, N+N Corsino

Алла Пашова

«Топология мгновения» (вернее, «Топологии», «Topologies de l'instant») — это одиннадцать танцевальных инсталляций, созданных при помощи плоских экранов и проекционного оборудования от Sony. Одна из них еще и трехмерна, и интерактивна. Потому устроители могли обещать не только путешествие по сотворенным N+N Corsino мирам, но и возможность непосредственно общаться с виртуальными танцовщиками, персонажами инсталляций, и «даже участвовать в их пластическом действе».

Под «Топологию» было отведено два помещения Музея Архитектуры — Анфилада и Флигель-руина. Анфилада старинного московского особняка состоит из пяти небольших залов. Высокие потолки, пышные люстры. Предыдущая площадка — Музей изобразительного искусства Гонконга — представляла собой единое пространство площадью 1 тыс. кв.м. И в Москве общую композицию выставки и схему освещения («мизансцену», как говорят ее создатели) пришлось радикально изменить. Это почти что новая «Топология». Вышло не хуже и не лучше, уверяет Норбер Корсино. Просто иначе.

...В Анфиладе тепло и сумрачно, светятся лишь экраны, на которых обитают персонажи «хореографических фантазий» N+N Corsino. Танцовщицы и танцовщики. Часто одинокие, всегда серьезные. Они сосредоточены на своем движении, проживают в нем каждое мгновение. Они размышают всем телом, эти фантомы танца. Или, по крайней мере, умеют казаться глубокомысленными.

Изображения почти всегда размыты, расплывчатые. Откуда же берется непременная дымка ирреальности, если на самом деле танец — тяжелая физическая работа: напряжение, боль, соленый пот и никакой ме-

Можно сказать, что танец — это воплощенный логос, предшествовавший слову (так картография предшествовала письменности). <...> Танец с его человечностью помогает установлению дружеской связи между телом и изображением, которые сообща собирают воедино и разбирают секвенции движения. Танец срывает покров с мистического страха, превращающего человека в статую, страха, который мы испытываем, когда сталкиваемся с тайной, неизменно находящейся не там, куда мы смотрим.

N+N Корсино. Дружеская связь

тафизики? А меж тем лимфатическая жидкость пространства, просачиваясь сквозь поры Вселенной, обволакивает танцоров. (Пространство любит ощущать в себе движение и непременно откликается на него).

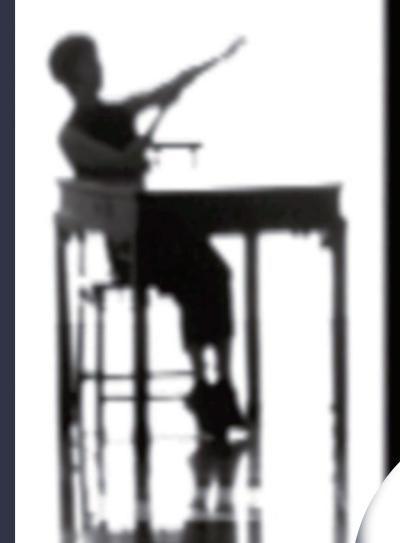
Есть на экранах и «непрофессиональное» движение — перемещение людских масс, какие-то шествия и толпы. (Не то фантомные зрители, не то просто пассажиры в аэропорту). Но его не так много. Чаще можно увидеть фрагменты хореографических композиций, отдельные движения и позы в исполнении как самих Николь и Норбера Корсино, так и их любимых «моделей» — испанских танцовщиц, уже давно работающих на международном, общеевропейском уровне — это Ана Тейшида и Карме Видаль.

Или просто — намеки на природу танца, отчасти рыбью, водную, отчасти птичью, воздушную. Самый прямой из них — небольшой плоский экран с изображением виртуальной трехмерной рыбки, помещенный в прозрачный футляр, в котором парят легчайшие белые перышки. Перед этой инсталляцией — квадрат яркого малинового света, чуть ли не единственное цветовое пятно в черно-белом мире «Топологии». Ступать в него почему-то страшно.

Композитор Жак Дьенне, создавший звуковое сопровождение представленных инсталляций, словно развивал ту же водно-воздушную метафору. Написанная им шумовая партитура состоит из глубокого подводного гула и мелькающего эфирного потрескивания с небольшими вкраплениями человеческих голосов. Эта необычная музыка звучит негромко, ненавязчиво, но именно она и создает удивительную атмосферу, почти меняет свойства пространства. Кажется, поднимешь голову и увидишь, что потолка нет, а есть черное беззвездное небо и на нем уж никак не меньше, чем белые спирали галактик. Или, по крайней мере, ветер завивает снежные ленты.

Во Флигеле-руине размещается интерактивная инсталляция «Navigation chorégraphique 3D» («3D хореографическая навигация»). «Участовать в пластическом действии» не пришлось. Скорее это напоминало путешествие, виртуальную прогулку. Пиар-координатор проекта флоран Маньянни вручил мне двурогий джойстик, наподобие полумесяца. Движение вверх/вниз поднимало и опускало линию горизонта, наклон вправо/влево позволял поворачивать в виртуальном пространстве направо и налево соответственно. Две кнопки по бокам «полумесяца» приближали и отдаляли путешественника от виртуальных объектов. Две из шести кнопок, расположенных на джойстике, давали возможность увеличивать/умножать скорость движения объектов. Назначение остальных четырех так и осталось загадкой.

Вооружившись этим нехитрым устройством, можно начать «хореографическую навигацию». Миры, созданные при помощи Maya, лаконичны и просты — пустынные пространства, где изредка встретишь танцовщицу-克лона или экран, на котором пляшет изображение (виртуальность в квадрате). Все тринадцать клонов «Навигации» созданы с применением технологии Motion Capture: на тела живых танцоров прикрепляются датчики, их движения фиксируются, после чего становится возможным создание своего рода «танцую-

Телу надлежит быть стройным и строгим. Суровым и не допускающим никакого излишества чувств. Пафос и патология способны так тесно ужиться друг с другом, что их нельзя ни вообразить, ни изобразить раздельно — об этом не может быть и речи. <...> Ни в коем случае нельзя уступить давлению, под которым «я» сдавиваются с «эго».

Даниэль Доббелльс. Сдвоенность мира

щего скелета», на который потом «наращивают» плоть, одежду, лицо. Клоны — сплошь коротко стриженые, бледные темноволосые девушки в черных трико и (особая гордость Флорана) майках, которые меняют цвет и узор.

Первый из миров, серая равнина, содержит ловушку — на одном из ее участков земля развернется под вашими ногами и, как Алиса в кроличью нору, вы провалитесь в следующее пространство. Там комнаты со стенами красного кирпича и все то же сосредоточенное кружение виртуальных танцовщиц. Оттуда по тонкому мостику перебираешься в зал с танцевальными каруселями, а потом будут еще залы и равнины, и танцовщицы, живущие в цветах, словно бабочки, или за стеклом, как рыбы в аквариуме; будет трудный подъем на башню по исчезающей лестнице. И, в конце концов, все закружится, переплетется, миры смешаются в вашей голове так, что один уже нельзя будет отдельить от другого. «Vertige», — смеется Флоран и вынимает полумесяц джойстика из окоченевших пальцев. Дело в том, что Флигель-руина — это действительно почти руина, кирпичный остов здания. Есть стены, лестницы, перекрытия, даже крыша, но не более. Температура здесь как на улице, и поэтому в 3D-мирах нынче довольно прохладно...

N+N Corsino, Николь и Норбер Корсино, живут и работают в Марселе. Сначала они просто танцевали на театральной сцене. Никакого, правда, «Лебединого озера» — исключительно современный танец. Впрочем, без традиционной подготовки не обошлось. Потом занимались хореографической режиссурой, создали собственную труппу, а в середине 1980-х обратились к визуальному искусству — видеоарту и инсталляциям. И вот уже лет десять выставочный зал — их единственная сцена. Здесь посетитель, не связанный необходимостью занимать свое место

Смысл
состоит в том, что
между двумя Корсино (им и
ею, ею и им) простирается молча-
ливое (или полное шепотов) обещание.

Обещание, которое дается, возобновляется,
никогда не отменяется и становится нитью пове-
стования, ключ к которому зашифрован в танце. Это также

ключ к территориям, которые им предстоит обойти, слегка их касаясь и стирая их — так, чтобы партитура повествования порождала разными (и даже виртуальными) способами штрихи и зарубки союза этой пары с некими третьими лицами или некими посторонними мирами.

Даниэль Доббелльс. Сдвоенность мира

цевального искусства, который связан с современным балетом, как кино связано с театром. Одно не противопоставляется другому, существуя отдельно и на качественно ином уровне. Сейчас Николь и Норбер — маститые художники, упоминаются в словарях и научных трудах, имеют Орден искусства и литературы, собрали множество призов на фестивалях и выставках, посвященных танцу и аудиовизуальным искусствам.

Хореографов Корсино с самого начала интересовала кинетика тел и пейзажей, они исследовали пространства, в которых может возникнуть и развиться танец, и влияние танца на эти пространства. В 1994 *N+N Corsino* получают премию «Вилла Медичи» в номинации «зарубежный проект» за создание компьютерной программы *Life Forms* для трехмерной хореографической композиции. Это позволило им полгода работать в Ванкувере. Там был снят фильм «Тотемпол», в котором настоящие танцовщики впервые встречаются с виртуальными, созданными на компьютере. Этот фильм — прелюдия к трехмерному изображению и клонированным исполнителям инсталляции «Пленницы», 1999. Здесь камера разворачивается уже на 360 градусов, и реальные тела полностью заменяются виртуальными. Снятое на видеокамеру двухмерное изображение было настолько реалистичным, что увидевшие его в музее французские школьники были уверены: на экране — настоящая танцовщица. И только когда их попросили смотреть повнимательнее, они поняли: что-то не так. «Слишком бледная», — заметили дети.

После того, как в 2001–2002 была создана «Топология мгновения», Корсино начинают сотрудничать с парижскими научно-исследовательскими институтами по изучению акустики и музыки (IRCAM) и информатики (IRISA), становятся художественными и видеоработы

новым этапом развития тан-

ми руководителями проекта «Open Move», где «искусственный разум и виртуальная реальность проникают в мир жестов и звуков». К концу этого года они планируют создать новую хореографическую навигацию, на этот раз беспроводную. Управление будет осуществляться простым движением рук.

С 2002–2003 Корсино преподают в Национальной высшей школе декоративных искусств, а в прошлом году подписали трехлетний контракт с институтом IRCAM, которому понадобились «исследователи-хореографы».

Их инсталляции и фильмы путешествуют по всему миру. Увидеть танец глазами Корсино могли Париж и Локарно, Вена и Бухарест, Гаага и Ливерпуль. Были выставки и показы в Италии, США, Норвегии, Канаде, Бразилии, Индии, Вьетнаме, Японии, Китае... Недавно прошла выставка *N+N Corsino* в Шанхае — в рамках года культурного обмена между Францией и Китаем и Шанхайского Биеннале. Что касается «Топологии мгновения», она была впервые показана в Музее Современного искусства в Марселе. А из Москвы отправилась в Австралию — в Сидней и Мельбурн.

Сами авторы «хореографических фантазий» считают, что слова «топология мгновения» могли бы быть одним из определений танца, так как означают «постоянное изменение формы в пространстве и времени». А смущенные критики обычно лезут в словари и внимательно выясняют, как перевести на человеческий язык математический термин «топология».

Мне приглянулся словарь, который утверждал, что топология — раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при их преобразованиях. То есть наука о постоянстве изменчивого. Что может быть изменчивее, мгновенное танца, прихотливого, как взмах бабочкого крыла? И нужно суметь наколоть бабочку танца на иглу новейших технологий так, чтобы она осталась жива, чтобы крылья трепетали. Так, как это сделали Николь и Норбер Корсино.

Нежелательного двойника медленные и непрерывные съемки Корсино отстраняют. Эти съемки с высокой точки смещают его и стирают раньше, чем он навязывает свой импульсивный закон и втащит [в кадр] свои окаменелости и ископаемые останки. Двойник отделен, и отделение это — факт, но оно всегда не-предсказуемо.

Даниэль Доббелльс. Сдвоенность мира

